

6. *Мамалыга А. И.* Соотношение функционально-смысловых типов речи в публицистических текстах / А. И. Мамалыга // Функционально-стилистический аспект различных типов текста. – Пермь : Перм. ун-т, 1991. – С. 12–22.
7. *Панов М. В.* Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики / М. В. Панов / Язык современной публицистики. – М. : Наука, 1988. – 399 с.
8. *Солганик Г. Я.* Наблюдения над языком и стилем молодежной печати (по материалам газеты “Комсомольская правда”) / Г. Я. Солганик, Л. И. Рахманинова, Г. С. Шалимова // Актуальные проблемы молодежной печати. – М. : МГУ, 1988. – С. 156–167.

Бондаренко Л. І. *Стиль як засіб реалізації авторського задуму в жанрі “Порада”.*

У даній статті в загальному виді ставиться проблема реалізації функціональних стилів, обумовлених певними функціями та інтенціональними значеннями в текстах нового медіа-жанру “Порада”.

Ключові слова: *функціональні стилі, мовні засоби, жанр “Порада”, комунікативні інтенції.*

Bondarenko L. I. *Style as a means of conveying the authors ideas in the genre “Advice”.*

The article deals with the problem of the application of functional styles determined by certain functions and intentional meanings in the texts of new media-genre “Advice”.

Keywords: *functional styles, language means, genre “Advice”, communicative intentions.*

Бражник Л. М.
*Горловский государственный педагогический институт
иностранных языков (Украина)*

КОННОТАТИВНЫЙ ДУАЛИЗМ АНТРОПОНИМОВ В ОЧЕРКАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Статья посвящена исследованию коннотативного дуализма в очерках М. Цветаевой. В ней рассматриваются онимные коннотемы, на возникновение которых повлияли факторы экстралингвистического характера: авторское восприятие эпохи и его культурная ориентация.

Ключевые слова: *коннотема, выразительность текста, экстралингвистический характер, интралингвальный.*

Термин “коннотация” используется в разных областях филологического знания. Это и лексическая семантика, и стилистика, и теория выразительности, и интертекстуальность. Коннотация в явном или в скрытом виде присутствует в концепт-анализе, в исследовании архетипов и мифологем обыденного сознания. Таким образом, с коннотацией связывается широкий круг разнотипных явлений [3, с. 444]. Коннотация, когда для этого возникает необходимость, распространяется также на всю сферу производства и взаимодействия текстов [3, с. 446].

Коннотация в тексте – явление субъективное, регулируемое авторскими целями, намерениями, отношением к описываемому, его информационной и культурной ориентацией. Коннотация играет существенную роль в процессе создания связности текста, вступая во взаимодействие с такими аспектами произведения, как информативность, когнитивность, модальность, имплицитность [6, с. 3].

Научный интерес вызывают особенности функционирования антропонимов в очерках М. Цветаевой, в частности, их коннотации. Имена собственные, являясь стилистически значимой и информативно нагруженной единицей художественного текста, играют большую роль в его восприятии, усиливая экспрессивность и эмоциональную выразительность, актуализируя пласт сведений экстралингвистического характера.

Проприальная лексика изучается лингвистами и литературоведами в разных

аспектах. Поэтика имен собственных анализируется В.М. Калининным [1], процессы номинации – А.В. Суперанской [5]. Среди лингвистических работ, посвященных ономографии, следует выделить словари имён собственных Е.С. Отина [2] и В.И. Рогозиной [4].

Целью публикации является изучение особенностей онимной коннотации как одного из аспектов очерков М. Цветаевой.

В соответствии с поставленной целью решаются следующие задачи:

- выявление имплицитных и эксплицитных коннотативных смыслов в структуре содержания антропонимов;
- определение типов коннотации собственных имен и особенностей их функционирования в тексте.

Ни литературоведом, ни критиком, в академическом значении этих слов, Цветаева не была. В её очерках, как и в стихах, главная тема – “собственная душа”. Рассуждая об искусстве, поэзии, она высказывает такую глубину проникновения в предмет исследования, которой не может не позавидовать любой “вед”, в том числе языковед. Следует обратить внимание на то, что её воспоминания содержат большое количество собственных имён. Чаще М. Цветаева упоминает два онима, а именно:

“Бальмонт и Брюсов. Об этом целую книгу, – поэма уже написана: Моцарт, Сальери” [7, с. 212].

“Бальмонт, Брюсов. Росиие в те годы никогда не называли одного из них, не назвав (хотя бы мысленно) другого. Были и другие поэты, не меньшие, их называли поодиночке. На этих же двух – как сговорились. Эти имена ходили в паре”

“Парные имена не новость: Гёте и Шиллер, Байрон и Шелли, Пушкин и Лермонтов. Братственность двух сил, двух вершин. И в этой парности тайны никакой. Но “Бальмонт и Брюсов” – в чём тайна?” [7, с. 213]. В приведенных строках поднимается вечная тема “Поэт и время”. Из них следует, что антропонимы носят ярко выраженный оценочный характер. Эти имена автор наделила коннотативно-смысловым содержанием. Причем коннотации их являются выраженными – маркированными.

“В полярности этих двух имён – дарований – темпераментов, в предельной выявленности, в каждом, одного из двух основных родов творчества, в самой собой встающей сопоставляемости, во взаимоисключенности их. Всё, что не Бальмонт, – Брюсов, и всё, что не Брюсов, – Бальмонт. Не два имени – два лагеря, две особи, две расы” [7, с. 213]. В своей статье поэтесса пытается осмыслить опыт послереволюционных лет, используя для этого имена своих современников. В них отражено отношение М. Цветаевой к эпохе. Антропонимы *Брюсов* и *Бальмонт* она употребляет в характерологических целях. В записках они развивают коннотему “борьба, оппозиция, противостояние”.

Предложения, содержащие глаголы с отрицанием, косвенно указывают на дополнительное пейоративное значение онима *Брюсов*: *“Бальмонт о Брюсове. ... иماجинисту Кусякову (Кусякин Александр Борисович – поэт (1896-1977)) : “С Брюсовым не дружите!” – и последним, с уже отъезжающего грузовика – мне:*

– А вы, Марина, передайте Валерию Брюсову, что я ему НЕ кланяюсь!”

В мотивации следующей референтной коннотации лежат сведения, полученные поэтессой от Бальмонта:

“Запало ещё одно словечко Бальмонта о Брюсове. – Ты потому ему не прощаешь, что принимаешь его за человека, а пойми, что он волк, – бедный, лезущий, сидящий волк.

– Волк не только жалок: он гнусен!

Нужно знать золотое сердце Бальмонта, чтобы оценить, в его устах, такой

возглас” [7, с. 213]. Таким образом, анализируя содержание вышеприведенных строк, приходим к выводу, что антропоним **Брюсов** у М. Цветаевой приобретает “переносное” значение “**бесчеловечность**”.

Представляет исследовательский интерес также использование автором и слов другого героя рассматриваемых записок: “Я – **Бальмонту**:

– *Бальмонт, знаешь слово Койранского (Александр Арнольдович – критик, поэт, художник (1884-1969)) о Брюсове? “Брюсов образец преодоленной бездарности”.* *Бальмонт, молниеносно: – Непреодоленной! Заключение напрашивается. Если Брюсов образец непреодоленной без-дарности (то есть необретения в себе, никаким трудом, ... – дара), то Бальмонт – пример непреодоленного дара”* [7, с. 214]. Из примера следует, что внеязыковая реалья обусловила появление в этом собственном имени, наряду с охарактеризованными выше коннотемами, созначения “**бездарность**”, которое является эксплицитным. Значительность оценки подчеркивается употреблением в одном ряду с именем **Брюсов** антропонима **Бальмонт**, имеющего наоборот ярко выраженную мелиоративную сему, мотивированную также факторами экстралингвистического характера (Константин Бальмонт особенно дорог М. Цветаевой как “брат родной по музе, по судьбам”). В результате можем утверждать, что автор очерка наделяет имя **Бальмонт** коннотацией “дар”.

Следующие примеры также подтверждают влияние текста на совокупную семантику онима **Брюсов**: “*Как Брюсов сразу умер, и привыкать не пришлось. Завоеватели умирают тихо. Бесчеловечность, с которой нами, русскими, там и здесь, встречена эта смерть, только доказательство нечеловечности этого человека”* [7, с. 214]. “*... в лице Блока вся наша человечность.... в лице Брюсова – оплакивать – и останавливаюсь, сдержанная несоответствием собственного имени и глагола. Брюсова можно жалеть двумя жалостями: 1) как сломанный перворазрядный мозговой механизм (не его, о нём), 2) как волка”* [7, с. 215]. Из записок становится понятным, что в “последних словах” отражена издёвка по отношению к человеку, носящему имя **Брюсов**. Это высказывание носит уничижительный характер и соотносит оним **Брюсов** с понятиями “**тот, кто злой, свирепый; тот, кто властный и нетерпимый; тот, кто не вызывает жалости и сочувствия; тот, которого не любят**”

Из вышеизложенного следует, что противопоставление двух антропонимов – это противопоставление двух понятий “**поэт и не поэт**”. Эти онимы называют не столько конкретные личности, сколько широко обобщенные образы: “*Место Брюсова – именно в С.С.С.Р. Какой строй и какое мирозерцание могли более соответствовать герою труда и воли... (с. 215).* “*Как истый властолюбец, он охотно и сразу подчинился строю, который в той или иной области обещал ему власть”* [7, с. 216]. “*Коммунистичность Брюсова и анархичность Бальмонта. Плебейстичность Брюсова и аристократичность Бальмонта (Брюсов, как Бонапарт, – плебей...). Царственность (островитянская) Бальмонта и цезаризм Брюсова”.* Здесь, как во всем, <....> ещё раз друг друга исключили. *Бальмонт – если не монархист, то по революционности природы. Брюсов – если монархист, то по личной обойденности коммунистами. Монархизм Брюсова – аракчеевские поселения. Монархизм Бальмонта – людвиго-вагнеровский дворец. Бальмонт – ненависть к коммунизму, затем коммунистам. Брюсов – возможность ненависти к коммунистам, никогда – к коммунизму. Бюрократ-коммунист – Брюсов. Революционер-монархист – Бальмонт. Революции делаются Бальмонтами и держатся Брюсовыми”* [7, с. 216]. Как видно, М. Цветаева обогащает антропонимы **Брюсов** и **Бальмонт** ещё одной референтной коннотацией, которую помогает извлечь содержание очерков. Коннотема **Брюсов** – это “**существующий государственный строй – большевизм и коммунизм**”. Коннотема **Бальмонт** –

“русская интеллигенция, нищенствующая, но не желающая продать своё перо”.

Изученные тексты записок позволяют установить следующие контрастные коннотемы рассматриваемых антропонимов: **Брюсов** – “не поэт, лжепророк от политики, антидуховность, враждебность” и **Бальмонт** – “поэт, духовность, вечность”: “Я бы на месте коммунистов, несмотря ни на какие посмертные бумажные откровения, причислила **Брюсова** к лику уже имеющих святых. Два слова ещё о глубочайшем анационализме (тоже соответствие с советской властью) **Брюсова**. Именно об анационализме, мировоззрении, а не о безродности, русском родинно-чувствии, которого у **Брюсова** нет и следа. .... **Брюсов** анационален. ... чувствами **Брюсов** не жил (в крайнем случае – “эмоциями”). Любовь к своей стране он заменил любопытствованием чужим...” [7, с. 217]. “... простого человеческого взгляда у **Брюсова** не было: не дан был. **Брюсов** в мире останется, но не как поэт, а как герой поэмы. На **Брюсове** не будут учиться писать стихи, ... на нем будут учиться хотеть – чего? – без определения объекта: всего. И, может быть, меньше всего – писать стихи. **Брюсов** в хрестоматии войдёт, но не в отдел “Лирика”, – в отдел, и такой в советских хрестоматиях будет: “Воля”. ... имя его, среди русских имен, хочу верить, встанет одним из первых” [7, с. 218]. Всё сказанное свидетельствует о коннотативном дуализме имён собственных.

В результате проведенного исследования было установлено, что анализируемые в очерках М. Цветаевой антропонимы становятся семантически обогащенными, т.е. развивают дополнительные значения, которые обусловлены авторским восприятием эпохи, носящим культурно маркированный характер. Все перечисленные онимные коннотации содержат смысловые ассоциативно-образные и эмоционально-оценочные компоненты. В соответствии с классификационными признаками, разработанными Е.С. Отиным, их можно отнести к окказиональным интралингвальным полисемным коннотонимам [2, с. 14].

Материал и результаты исследования могут быть использованы для дальнейшей разработки словаря имен собственных всего творчества М. Цветаевой, а также в программе высших учебных заведений при чтении курса литературной ономастики, или когнитивной лингвистики.

Л и т е р а т у р а :

1. *Калинкин В. М.* Поэтика онима. – Донецк : Юго-Восток, 1999. – 408 с.
2. *Отин Е.С.* Словарь коннотативных собственных имен. – Донецк : ООО “Юго-Восток, Лтд”, 2004. – 412 с.
3. *Ревзина О. Г.* О понятии коннотация // Языковая система и её развитие во времени и пространстве : сб. науч. статей к 80-летию профессора К.В. Горшковой. – М. : Изд-во МГУ, 2001. – С. 436-446.
4. *Рогозина В. И.* Словарь собственных имён в поэзии Валерия Брюсова. – Донецк : Юго-Восток, 2011. – 274 с.
5. *Суперанская А. А.* Общая теория имени собственного. – М. : Наука, 1973. – 367 с.
6. *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики языковых единиц. – М., 1986. – 200 с.
7. *Цветаева М. И.* За всех – противу всех!: Судьба поэта: В стихотворениях, поэмах, очерках, дневниковых записях, письмах / сост. Л. В. Поликовской. – М., 1992. – 384 с.

Бражнік Л. М. Конотативний дуалізм антропонімів у нарисах М. Цветаєвої.

Стаття присвячена дослідженню конотативного дуалізму у нарисах М. Цветаєвої. У неї розглядаються антропонімні конотації, на розвиток яких вплинули фактори екстралінгвістичного характеру: авторське сприйняття епохи та його культурна орієнтація.

Ключові слова: конотема, виразність тексту, екстралінгвістичний характер, інтралінгвальний.

Brazhnik L. M. The Connotative dualism of the Proper Name in the Tsvetayeva's Sketches.

The article is devoted to the investigation of the connotative dualism in Tsvetayeva's sketches. Antroponimic connotations, the derivation of which are under the influence of extralinguistic factors (the author's perception of the epoch and her cultural orientation) are analyzed in the article.

Keywords: connotemes, expressiveness of the text, extralinguistic nature, intralingual.

Бушев А. Б.

Филиал ГОУ ВПО “Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет” (Россия)

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена различным аспектам понимания и исследования языковой личности. Полемически рассматриваются концепции языковой личности, представлена авторская концепция языковой личности профессионального переводчика.

Ключевые слова: языковая личность, компетенция, носитель языка.

Настоящая статья освещает полемику вокруг феномена “языковая личность”. Представлен теоретический анализ различных концепций языковой личности, методологические вопросы подхода к этой существенной проблеме – существенной и в научном, и в дидактическом отношении. В статье представлена также авторская концепция одного из видов профессиональной языковой личности – языковой личности переводчика.

В полемических построениях антропоцентрической лингвистики конца двадцатого века дискуссионным является понятие “языковая личность”. В русле герменевтического подхода вопрос, что же такое языковая личность, решается так: это человек-носитель, правда в абстракции от его темперамента, характера, других характеристик личности, изучаемых в психологии. Но это и фикция, и идеализация носителя (как язык хранится в памяти многих индивидуумов, каковы общие компетенции, характерные для сотни профессионалов [1], это и идеальный конструкт этнической идентичности – отсюда понятным становится внимание к такому варианту как, скажем, русская языковая личность). И в этом качестве это и инструмент описания языка, как показала монография Ю. Н. Караулова [4]. Последнее оказалось немаловажным и для нашего исследования [2]. Классическое определение языковой личности дано Г. И. Богиним в русле герменевтического подхода: это совокупность опыта коллективного действия с текстами и в действительности реальной, и в действительности коммуникативной, и в действительности невербального мышления [1]. Также как идентичность, языковая личность может пониматься на индивидуальном уровне, но и учитывает опыт социально разделенного понимания, опыт действия с текстами, накопленный множеством людей.

Русская языковая личность не едина, есть разные социальные группы, которые по-разному оценивают тот или иной языковой феномен. Однако лингвисты полагают, что есть общерусский языковой инвариант [4]. Иногда высказывается такая точка зрения, что невозможно оценить как архаичное какое-то языковое или социальное явление в виду стратификационной дифференциации языковой личности. Однако эта точка зрения представляется неверной. Ведь как же тогда относиться к системе словарных стилистических помет при значениях слов?! Есть безусловные оценки определенных языковых феноменов большинством носителей языка. Этот феномен и представляет такую фикцию, какой является общерусский языковой инвариант. Свет на “усредненные